

kategórii, ktorý by v textovej štruktúre empiricky poukázal na konkrétnu mieru estetickéj transformácie. Vo vzťahu Štúra k nemeckej romantickej filozofii však nemala zostať bocom významná monografia člena Pražského lingvistického krúžku D. Čyževského *Štúrova filozofia života* (Bratislava 1941), ktorá rozčlenila a na jednotlivých príkladoch vymedzila tematické a výrazové roviny vzťahu nemeckého protestantského romantizmu k mesianizmu a k jazykovo-národnej orientácii štúrovcov. Ide však iba o doplnujúce poznámky aj napriek ktorým si monografia zaslúži čitateľskú i odbornú pozornosť, pretože predstavuje podnetný „návrät“ k slovenskému národnému obrozeniu v tom zmysle, že plasticky zachytáva kultúrne ovzdušie štúrovskej generácie v jej vnútornej rozpornosti, ktorá sa o. i. odvíjala aj z komplikovaných reakcií na slovanské aj neslovanské inonárodné zdroje.

Anna Zelenková

Щедринa, Н. М.: «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. – М.: Памятники исторической мысли, 2010. – 336 с., ил.

Особое место в творчестве А. Солженицына занимает его десяти томное «повествование в отмеренных сроках» «Красное Колесо», над которым писатель работал до последних дней своей жизни. Это самое масштабное произведение русской литературы XX века, в котором на обширнейшем фактическом материале воссоздается картина исторической жизни России конца XIX – начала XX веков. В «Красном Колесе» автор синтезирует опыт эпопеи, исторического романа, документального и публицистического повествования. Немногие исследователи исторической и художественно-документальной прозы, немногие знатоки творчества А. Солженицына рискуют обратиться к этому грандиозному полотну. Неудивительно, что эта книга остается одним из наименее изученных произведений писателя.

Монография Н. М. Щедриной, посвященная анализу «Красного Колеса», вышла в серии «Памятники исторической мысли». Однако автор анализирует не только документальную основу книги и даже не только художественную философию истории, воплощенную в этом эпическом полотне, но стремится выявить природу его художественности, новаторство его жанровой формы.

И все же главная особенность книги Н. М. Щедриной, выделяющая ее на фоне других исследований, посвященных «Красному Колесу», заключается в том, что солженицынское «повествование в отмеренных сроках» представлено здесь в контексте развития исторической прозы русского зарубежья, а также советской и постсоветской метрополии. По масштабу охвата это задача архисложная, даже если учесть, что Н. М. Щедрина давно занимается изучением исторической прозы, в том числе и русского зарубежья, является автором целого ряда работ, посвященных творчеству А. Солженицына, поэтике исторического романа, его историософской проблематике.

Стремление выявить жанровое своеобразие произведения А. Солженицына побуждает исследователя к сопоставлению, к поиску в обширном поле исторической прозы его «ближних» и «удаленных» контекстов. Сопоставление идет как в плане проблематики, так и в плане жанровой специфики, особенностей поэтики. В поле

зрения Н. М. Щедриной находится широчайший круг вопросов: идейно-художественная интерпретация разными авторами исторического развития России, их понимание движущих сил истории, идеи национального единения и причин трагической разобщенности русского народа, эволюции освободительного движения, причин и истоков терроризма, художественное исследование феномена предательства, трактовка личности различных исторических деятелей, философия и психология их поступков, а также многое другое. Автор обнаруживает типологические схождения «Красного Колеса» А. Солженицына с историческими романами Д. Балашова и романом-эпопеей В. Астафьева «Прокляты и убиты», с романами о народовольцах Ю. Трифонова и Ю. Давыдова, а также выявляет жанровые переключки с произведениями представителей разных поколений русского зарубежья: Д. Мережковского, М. Алданова, В. Максимова. Можно спорить о том, насколько правомерны те или иные параллели, насколько убедительно в каждом конкретном случае исследователю удалось их прояснить, но нельзя не признать актуальность и значимость постановки вопроса о типологических схождениях, позволяющих выявить своеобразие идейно-эстетической позиции автора «Красного Колеса».

Поскольку Н. М. Щедрина анализирует итоговое произведение писателя, это предполагает постоянное обращение к другим его вещам, рассмотрение «Красного Колеса» в контексте всего творчества Солженицына, через анализ публицистики Солженицына и его «Дневника Р-17» прослеживается авторская рефлексия.

Как справедливо отмечает Н. М. Щедрина, необычайная сложность анализа заключается в том, что этот эпический роман, вначале публиковавшийся фрагментами, в дальнейшем постоянно редактировался автором. Работа не прекращалась даже после того, как книга была полностью опубликована сначала в 20-томном собрании сочинений А. Солженицына, издававшемся в Вермонте и Париже, потом в отдельных российских изданиях и, наконец, в 30-томном собрании сочинений. Включение в монографию титульных листов первых зарубежных, а затем и российских изданий «Красного Колеса», его избранных глав, отдельных страниц романа с авторской правкой дают возможность читателю самому понять, как уточнялся, корректировался замысел романа. В параграфе, который Н. М. Щедрина назвала *Argoros*, дается анализ этих авторских правок.

Н. М. Щедрина концентрирует внимание на разных жанровых модификациях исторического романа, намечает векторы его развития, при этом постоянно чувствуется, как много материала осталось у исследователя «за кадром», ведь речь идет не просто об одном масштабном десятитомном труде А. Солженицына, но о романах и романских циклах многих писателей, очень разных по своим художественным индивидуальностям. Важно, что избранному принципу типологического сравнения автор следует и в дальнейшем: если в первой главе преимущественное внимание концентрируется на проблематике, то во второй и третьей главах – на различных аспектах поэтики.

Еще один важнейший контекст романа «Красное Колесо» – это контекст философской мысли. Он проясняется во второй главе монографии, где рассматривается историософия А. Солженицына. Необычайно интересно прослежен диалог-спор писателя с такими выдающимися философами, как Н. Бердяев, К. Леонтьев, И. Ильин, с такими мыслителями, как Л. Толстой и Ф. Достоевский. Каждый из них по-своему повлиял на формирование солженицынской концепции истории, русской рево-

люции, на его понимание роли исторической личности и вечных вопросов о загадке русской души, о судьбе русского народа, о проявлениях народного духа.

Не менее интересно построена и третья глава монографии, в которой продолжается начатый во второй анализ художественной структуры романа «Красное Колесо», в частности, рассматриваются такие аспекты, как сюжетная роль мотивов и лейтмотивов, формы художественной условности (символика, метафоризация, функции снов, природных образов), особенности ритмической организации книги и т. п. Так, продолжая типологическое сравнение, Н. М. Щедрина прослеживает организующую роль в романе «Красное Колесо», а также в произведениях М. Алданова, Ю. Трифонова, Ю. Давыдова, мотивов «бесовщины», «нетерпения», «двойничества», «игры», «карнавала» и «маскарада», связанных с целым комплексом тем, которые еще в XIX-ом веке были остро поставлены Ф. Достоевским: национальной исключительности, свободы и несвободы, опасности для общества утраты нравственных ориентиров, способности отличать истинное от мнимого, опасности превращения исторической арены в арену игры, в парад масок. Исследование в данном аспекте художественной ткани романа-эпопеи А. Солженицына позволяет, с одной стороны, выявить его связь не только с классической традицией, но и с традицией модернизма, а с другой дает возможность почувствовать его связь с новейшей литературой XXI века.

Завершая разговор о том, какое место занимает «Красное Колесо» в контексте творчества А. Солженицына и в литературном контексте второй половины XX века, Н. М. Щедрина выделяет два вектора, определяя их как «моноцентричность» и «литературоцентричность». Именно в этой части работы становится в полной мере очевидно, что «Красное Колесо» – книга, к которой писатель фактически шел всю жизнь, начиная с первых юношеских опытов и до последних своих дней. Об этом свидетельствует масса переключек на уровне тем, мотивов, имен героев, отдельных деталей, выявленных Н. М. Щедриной при соотношении романа-эпопеи с другими произведениями А. Солженицына, написанными на разных этапах его творчества. С другой стороны, «историческая эпопея» «Красное Колесо» вобрала в себя все узловые проблемы исторической прозы второй половины XX века и отразила тенденцию синтеза жанровых форм, характерных для литературного процесса второй половины XX-го века. Все это позволяет Н. М. Щедриной сделать вывод, что «Красное Колесо» по отношению к произведениям М. Алданова, Ю. Трифонова, В. Максимова, Ю. Давыдова и других исторических романистов само способно стать синтезирующим контекстом.

В заключение следует отметить, что несмотря на то, что книга Н. М. Щедриной представляет собой серьезное монографическое исследование, написана она доступным для широкого читателя языком, содержит много интересной информации, иллюстративный материал, способный заинтересовать не только специалиста-филолога.

Татьяна Николаева Федь